

Тменова Дзерасса Георгиевна

Старший научный сотрудник Северо-Осетинского

Института гуманитарных и социальных

исследований им. В. И. Абаева

Milena.555@mail.ru

Dzerassa G. Tmenova

The North Ossetian Institute of Humanitarian and

Social Studies of V.I. Abayev

Milena.555@mail.ru

Ритуально-магические особенности обрядовых песен осетин

Ritual and magic features of ceremonial songs Ossetian

***Аннотация.** В статье отмечается, что у осетин во время проведения определенных праздников совершаются обходные обряды. В них принимают участие и дети, и взрослые. Правда, каждая возрастная группа самостоятельно. Цель посещения домов – призвать высшие силы производимыми действиями, исполняемыми магическими песнями одарить хорошим потомством посещаемую семью, обеспечить их общественное и хозяйственное благополучие, изгнать злые силы, болезни.*

***Ключевые слова:** религиозные обряды, песни – заклинания, хороводы, колядки, магическая сила, акциональные особенности, обходы домов, репертуар*

***Annotation.** During certain holidays at the ossetians are committed bypass rites. They are attended by both children and adults. However, each age group independently. The purpose of the house visits – to call the highest forces by the producible actions, by the executable magic songs to endow a good posterity visited family.*

***Keywords:** religious rites, song - spells, round dances, carols, magic force, features of movements, detours of houses, repertoire .*

Все взрослое человечество старается приближать ребенка к практической жизни еще с детства. Осетины в этом плане не исключение. Они вовлекают ребенка в разнообразные религиозные и магические обряды безо всякого насильственного принуждения, вовлекают их ласково и ненавязчиво, без устрашения. Но по мере его роста к ребенку уже в отрочестве меняются требования, они становятся более строгими, внимательными.

Это подтверждается значительным количеством фактов. Ребенок в семье – её благословение, предмет страстного желания. Мальчику (девочек это не касалось) которому исполнилось три года, устраивали особый приём в

общество, именуемый «Цæуæггаг» – «плата за проход». К этому дню (на четвертый день Пасхи) ему готовили одежду с головы до ног.

Ребенку брили голову, купали его. Затем накрывали столы. Старший стола произносил молитву–посвящение и мальчику давали причаститься жертвенными пирогами, мясом, пивом. После этого момента он считался полноправным членом общины и ему был разрешен вход на все общественные мероприятия, проводимые в селе, кроме траурных. Но к этому дню готовились не только те, которые должны были пройти обряд, но и другие дети. Каждый из мальчиков самостоятельно или с помощью старших изготавливал себе лук и стрелы из вербы или бересклета, тренировался в меткости и точности. В день праздника устраивали соревнования по сбиванию фигурных печений.

Выигрыш должен был быть корзиной с печеными сладостями. И вообще, считалось, что чем больше корзин, выпеченных из теста собьют стрелки, тем богаче будет урожай хлебов осенью.

Взрослые привлекали детей к участию в общественной жизни. Сначала они были зрителями, а затем – активными участниками религиозных и магических обрядов. Взрослые продумывали все: количество детей, пол детей, время и место, обязанности каждого из них.

Привлекались не только мальчики, но и девочки, и при этом гендерные особенности не создавали никаких проблем, все легко решалось в зависимости от ситуации и сложившихся обстоятельств.

Дети заблаговременно получали конкретные советы и наставления о правилах поведения при выполнении каких-то ритуалов и обрядов.

У всех народов считается, что дети – существа, не успевшие совершить грех, чистые, их присутствие обеспечивает каждому благосостояние, изобилие, счастье.

Наиболее ярко прослеживается это в обрядовых обходах, которые совершались во время проведения окказиональных праздников.

Репертуар обходных обрядов включал из календарных праздников: колядки – «хæдзаронтæ» («домашние»); «киунудзата» (хороводные колядки у девочек), которые проводились за неделю до начала Великого поста; пасхальные колядки – во время празднования разговения и «сойгæнæнтæ» – в честь мальчика-первенца.

Эти песни-заклинания к детям попали из репертуара взрослых. Дети их исполняли на свой лад и манеры, по своему видению.

Многие ученые обратили своё внимание на то, что участие детей прослеживается в религиозных и магических обрядах, проводимых взрослыми. Среди этих ученых оказался и этнограф В. С. Уарзиати, который заметил: «...ребенок является существом чистым и безгрешным, поэтому его участие в ответственном деле, связанном с культовой практикой, является богоугодным делом, гарантирующим его успех» [5, с.156].

Наиболее пристально актуальность этой проблемы была затронута

В. Н. Харузиной в своей статье «Об участии детей в религиозно-обрядовой жизни», где она писала, что «их (детей – Дз. Т.) присутствие и вмешательство не признаются вредными – иначе, чтобы не нарушить значения обряда, его силу и действенность, их бы устраняли. Но можно отметить ряд случаев, когда дети привлекаются к исполнению обряда как, очевидно, необходимые его участники» [6].

Участие детей в религиозных обрядах осуществлялось с большой охотой и интересом. Присутствие их обеспечивало совершение гиластического обряда.

Православной частью населения осетин исполняются «хæдзаронтæ» – колядки, как правило, к Новому году. Они являются яркими выражениями продуцирующей магии, т.е. все действия, вербальные тексты направлены на то, чтобы предохранить от бед, зла и увеличить благосостояние, принести счастье.

Во время хадзаронтæ – колядок некоторые группы обходящих включали, да и сегодня это делается, участие зооморфных, т.е. одевали маски оленя, овцы, медведя, петуха. Они называются «мæнгцæстгом» - «ложное лицо» и им приписывается, по представлениям осетин, апотропейное свойство. В этом заложена глубокая архаика.

Процедура колядок проходила следующим образом.

К началу сумерек собирались группы детей, наряжались в овчинные шубы, которые одевались шерстью наизнанку, разные одежды, надевали маски, создавая образы животных, и ходили от дома к дому с танцами, песнями и напевали колядки:

Хæдзаронтæ, хæдзаронтæ!

Уæ алы аз уыл хорзæй

цæуа,

Уæ сæдæ фидæн хорзæй

фенат,

Уæ лæг саг амара,

Уæ ус тыр ныййара,

Уæ басылы къух мæн

фæуа! [2].

Домашние, домашние!

Чтоб каждый год вы встречали в
здрави,

Чтоб в сто лет вам еще лучше жи
лось,

Чтоб хозяин оленя убил,

Чтоб хозяйка сына родила,

Чтоб дужка рогалика мне доста
лась!

Рефрен «хæдзаронтæ, хæдзаронтæ» одновременно является и обращением к домашним. Текст колядки имеет следующую композицию: 1 – зачин; 2 – величание и пожелания благополучия; 3 – концовка – требование подарков.

Зачин начинается с обращения к домашним с позволения зайти к ним, во второй части колядующие восхваляют домашних и каждому из них делают пожелания. В завершение, в концовке они требуют их одарить чем-нибудь, в частности, это дужка сдобного рогалика.

Колядующие все проделывали по определенному сценарию. Они начинали петь на улицах и продолжали исполнять уже в помещении. Параллельно исполняли танец, произносили всякие приговорки, пустобайки и пожелания. Обязательна была сценка, где один из колядующих «умирает».

И после того как хозяин выносит угощения (круг сыра, вареную курицу, яйца, печенья, конфеты), подарки – он «воскресал». И вообще считалось, чем больше подношений сделаешь таким посетителям, тем больше благ получишь от высших сил в ответ.

В доме царили смех, веселье. Однако бывали случаи, когда колядующих не пускали в дом или плохо угощали, тогда они исполняли другую песню, и «на голову скупых сыпались оскорбления, угрозы и страшные посулы» [8,с.280].

Новогодние колядки встречаются у многих народов, но вот праздник «Кæхцганан», кроме как у осетин, вы не встретите ни у кого.

«В начале июля каждая семья, которая в продолжение года имела приращение мужского пола, считает обязанностью отпраздновать обильно и угостить наибольшее число родственников и соседей. Это называется «справлять миску» («кæхц»). Такое название праздник получил, вероятно, потому, что мать новорожденного обходила всех своих по отцу и матери родственников с чашей (миской), собирая всевозможные подарки и припасы для этого праздника», – так вспоминал Коста Хетагуров [7,с.495].

Праздник очень почитаем и потому отмечающая его часть осетин даже месяц июль называли «Кæхцгæнæны маъй».

Именно в этот день мальчишки-сойгæнджытæ с большими палками (кьолопи), стуча по стенам дома, где был новорожденный, заходили и исполняли песню. Необычность этих песен в том, что в них в удивительных параллелях преподносится богатейший бытовой материал. Рисуеться весь образ жизни осетин. Сойы зарæг – просьба-требование без всякого зачина.

Слово «сой» у осетин является символом изобилия и сытости и они используют его как рефрен. Каждая строчка этой песни – самостоятельное предложение, законченное. Текст рифмуется по схеме: *аа бб*

<i>Уæлæ кьулыл дидитæ.</i>	<i>Вон на стене</i>
<i>Сой цæуы, сой.</i>	<i>игрушки.</i>
	<i>Жир идет, жир.</i>
<i>Рахæссут нын чьиритæ.</i>	<i>Вынесите нам</i>
<i>Сой цæуы, сой.</i>	<i>пироги.</i>
	<i>Жир идет, жир.</i>
<i>Теместæм Гакка.</i>	<i>У Темесовых Гакка.</i>
<i>Сой цæуы, сой.</i>	<i>Жир идет, жир.</i>
<i>Раттут нын дзыкка... [3].</i>	<i>Вынесите нам</i>
	<i>дзыкка...</i>

Исполнителями песни употребляются изобразительно-выразительные средства: эпитеты, метонимии, гиперболы, иронии, которыми так богата данная песня. Хозяева дома ни в коем случае не должны отрицательно реагировать на нелестные шутки и высказывания «сойганагов» в песне.

Колядки носят несколько иной характер шутки, веселья и иронии, чего нельзя сказать о девичьих обрядовых обходах «киунудзата».

По наступлению дня Великого поста осетины начинают держать пост за птиц, дабы те не общипывали и не клевали в огородах посевы. Второй день тоже является постным – пост держится за мужчин, во время которого едят пироги с фасолью, пироги с капустой. В этот же день девочками возраста 7–13 лет проводятся свои колядки «киунудзата». Ближе к обеду девочки собирались и начинали обходить те дома, в которых появилась молодая невеста, они водили хороводы, которые сопровождались разыгрыванием веселых сценок.

Текст песни, как и тексты других хороводных песен, рассчитан на зрительское восприятие. Это разговор солиста с хором:

Амонæг: Уæ, киунудза!

Заргутæ: Киунудза, киунудза!

Амонæг: Уæ киунуггаг

*Заргутæ: Киридзаг, кирид
заг!*

Амонæг: Уомæй махæн?

Заргутæ: Рони дзаг, ронидзаг.

Амонæг: Сумахæн ба?

*Заргутæ: Тæскъи дзаг,
тæскъи дзаг [4].*

Солист: О киунудза!

Хор: Киунудза, киунудза!

Солист: То, что на переплет.

*Хор: Полный сундук, полный
сундук!*

Солист: Из него нам?

*Хор: Полную пазуху, полную
пазуху!*

Солист: Вам же?

*Хор: Сапетку с горкой,
сапетку с горкой! –*

Такого рода песни исполнялись колядующими у тех, к кому они заходили. Домашние одаривали их кусочками сафьяна, лентами, обрезками материи, сладостями.

Нельзя не отметить такой факт: когда на новогодних колядках какая-то семья не запускает в дом колядующих, они им поют плохие недобрые пожелания. Такое же наблюдается и в «киунудзата» – обходах девочек.

Тех, которые оказывались более щедрыми, колядующие одаривали лишь добрыми пожеланиями, а злые доставались скупым и зажимистым.

Из года в год дети ждут с нетерпением наступления праздника Воскресения Христа, когда дети опять выходят на колядки. Родители готовят детям наряды. Одевшись во все новое, дети с криками радости: «Чырысти райгас!» - «Христос воскрес!», носились по всем соседям, которые им делали всякие угощения, при этом обязательны были крашеные яйца – основной символ Пасхи. Дети яйца набирали в большом количестве, затем бились ими. Тот, у кого яйцо оказывалось крепче, считался победителем, и ему доставались все битые яйца. На посещения детей никто не обижался, наоборот, это всеми приветствовалось. Об этой особенности поведения людей писала в одной из своих статей этнограф В. Н. Харузина: «Существует мнение, что в обходах детей следует видеть дегенерировавший обряд. Обычай, пользовавшийся ранее глубокой верой, бывший религиозным обрядом, постепенно упал в своем значении и стал достоянием детей». [6].

Вероятно, и колядки, и хороводы попали из среды взрослых к детям, которые, не вникая в их смысл, магическое назначение хранят их как игры,

развлечения. Целью этих обходов было оказать содействие людям в жизни и труде с помощью магических действий. Функции эти не утратились и сегодня.

В жизни осетин имеются всякие обряды. По поводу одного такого обряда в научном архиве имеется следующая запись:

«Когда рождается ребенок мужского пола, то в его честь отец во дворе для детей устраивает качели на три дня. Каждый, кто приходит поздравить должен прокататься трижды с песней:

«О, Бог-Отец! О, Мать Мария!
Кого дали – тому долголетия,
Подайте долголетних благ...».

Обряд этот описал любитель-этнограф М. Гарданти. В свое время он заинтересовал и профессора В. С. Уарзиати, который в книге «Народные игры и развлечения осетин» писал: «Одним из первых этот обычай отметил В. Ф. Миллер, но у последующих исследователей факт обрядового раскачивания на качелях не нашел отражения. Собственно, в этом нет ничего удивительного, ибо наши информаторы не могли подтвердить данное свидетельство. Вероятно, в материалах В. Ф. Миллера отражен либо локальный обряд, либо глубоко архаичный, давно исчезнувший из традиционного осетинского быта» [5, с.156].

Но отметим, что замечание его не совсем верно, ибо В. Уарзиати не знал о существовании этого обряда у других осетинских обществ. Однако соблюдение обряда происходило не только в Дигории, но и осетинами, проживающими в г. Моздок, где сделана следующая запись:

«Когда рождается мальчик, собираются девочки, качаются на качелях и поют:

*Ваши качели скрипучи,
Мада Майран, мать мальчиков:
Кому девочку, кому мальчика, –
О себе промолчу:
У меня грудь еще твердая».*

Функционально-акциональные моменты этих песен точны – ликование по поводу удачного исхода родов, рождение мальчика – наследника. На радостях по этому событию устраивали качели. Функции и смысл устройства этих качелей люди не помнят, хотя он еще имеется в фондах архива.

Более удачной и счастливой в этом плане оказалась так называемая песня «Дзедз æмæ дзедз». Она звучит из уст детей и взрослых и исполняется она исключительно с целью развлечения, доставить удовольствие звуками примитивной мелодии:

*Дзедз æмæ дзедз!
Уæлæ халон фæтæхы
Дзедз æмæ дзедз!
Йæ дзыхы та цы хæссы?
Дзедз æмæ дзедз!*

*Дзедз и дзедз!
Вон летит ворона,
Дзедз и дзедз!
А что несет в клюве?
Дзедз и дзедз!*

*Йæ дзыхы та хъæмпы хал.
Дзедз æмæ дзедз!
Хъæмпы хæлсæй цы кæны?
Дзедз æмæ дзедз!..*

*В клюве несет соломинку,
Дзедз и дзедз!
А на что ей соломинка?
Дзедз и дзедз!..*

Текст песни – это как бы сказка, написанная в стихах. В ней сюжет раскрывается постепенно. Особенность этой необыкновенно увлекательной песенки заключается в том, что она исполняется и взрослыми, и детьми. Взрослые ее исполняют при укладывании ребенка спать, на каком-то празднике - как обрядовая песня. Дети ее исполняют как развлекательную, она служит считалкой при игре в прятки. На разносторонность использования данной песни обратил внимание еще осетинский просветитель XIX века Инал Кануков. [1]. Он даже интересовался ее происхождением. Интересовались происхождением и мы. И в осетинском языке нашли два слова: «дзедзырой» и «дзедзыкка» оба обозначающие качание. Мы думаем, что «дзедз» усеченная форма от этих слов.

Перечисленные выше обрядовые песни исполняются и сегодня, хотя не все обряды оказались живучими. Под воздействием новых жизненных условий ритуально-магические особенности обрядовых песен претерпели преобразования, тем не менее, также продолжают являться неотъемлемой частью традиционной культуры осетин.

Литература

1. Кануков И. Д. В осетинском ауле. – Орджоникидзе, 1985. – С. 476.
2. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований, Ф. 19 (лит.), Д. 117, Л. 46.
3. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований, Ф. 21, П. 74, Л. 102.
4. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований, Ф. 163 – 6, П. 51, Л. 35.
5. Уарзиати В. С. Народные игры и развлечения осетин. – Орджоникидзе: Ир, 1987. – С. 160.
6. Харузина В. Н. Об участии детей в религиозно-обрядовой жизни // Этнографическое обозрение. М., 1911, №1-2.
7. Хетагуров К. Л. Собрание сочинений. Т. IV. М., 1960. – 495 с.
8. Чибиров Л. А. Народный земледельческий календарь осетин. – Цхинвали, 1976. – 302 с.

Literature

- 1 . Kanukov I. D. In the Ossetian aul. – Ordzhonikidze, 1985. – С. 476 .
- 2 . Scientific archive of the North Ossetian institute humanitarian and social researches, T. 19 (litas.) 117, L. 46 .
- 3 . Scientific archive of the North Ossetian institute humanitarian and social researches, T. 21, P. 74, L. 102 .
- 4 . Scientific archive of the North Ossetian institute humanitarian and

social researches, T. 163 – 6, P. 51, L. 35 .

5 . *Uarziati V. S. National games and entertainments Ossetian. – Ordzhonikidze: Ip, 1987. – C. 160 .*

6 . *Haruzina V. N. About participation of children in religious and ceremonial life*

// Ethnographic review. M, 1911, No. 1-2.

7 . *Khetagurov K. L. Collected works. T. IV. M, 1960. – 495 pages.*

8 . *Chibirov L. A. National agricultural calendar Ossetian. – Tskhinvali, 1976. – 302 pages.*

.